

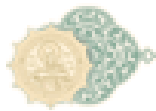
Экзегетическія замѣтки.

I.

1 Коринѣ. 7, 14: *святится* (ἁγιασται) *бо мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ, и святится жена невѣрна о мужи вѣрнѣ: иначе бо чада ваша нечиста были бы, нынѣ же свята суть* (ἐπεὶ ἄρα τὰ τέκνα ὑμῶν ἁγιάζονται ἐσθι, οὖν δε ἁγιά ἐσθιν).

Въ недавно вышедшемъ сочиненіи о. Алексія Бургова: „Православно-догматическое ученіе о первородномъ грѣхѣ“, Кіевъ, 1904, приведенное трудное для пониманія мѣсто перваго посланія къ Коринѣянамъ, послѣ критическаго разбора различныхъ его толкованій, изъясняется слѣдующимъ образомъ.

„Глаголъ ἁγιασται долженъ здѣсь удерживать свой положительный нравственный смыслъ (1 Кор. 1, 2; 6, 11; Евр. 10, 10. 29), указывая на нравственное освященіе невѣрующаго супруга въ вѣрующемъ, какъ на фактъ уже совершившійся, хотя бы только отчасти, въ смыслѣ положенія *основанія* для дальнѣйшаго христіанскаго освященія или спасенія. Твердое согласіе, даваемое невѣрующимъ супругомъ вѣрующему на продолженіе брачнаго общенія съ нимъ при новыхъ условіяхъ, свидѣлствуетъ объ общности ихъ

интересовъ и нравственной близости одного къ другому, объ измѣненіи природы язычника или язычницы въ сторону христіанскую, что можетъ послужить зародышемъ и благодатнаго освященія (ст. 16)“. „Иначе дѣти ваши—нечисты, а теперь святы“... Такъ какъ рѣчь—говоритъ авторъ—идеть о смѣшанномъ бракѣ, то подъ τῶν αὐτῶν лучше всего разумѣть дѣтей отъ смѣшаннаго брака, и все выраженіе слѣдуетъ принять за второе самостоятельное, *практическое* основаніе для предшествующей мысли апостола (ст. 13. 14). Апостоль указываетъ на печальныя послѣдствія, имѣющія произойти отъ разлученія супруговъ для ихъ дѣтей. „Иначе“, т. е. при вашей раздѣльной жизни, и дѣти ваши, оставаясь на попеченіи языческаго супруга,—желаніе котораго имѣть *при себѣ* дѣтей вполнѣ было осуществимо въ языческомъ государствѣ того времени,—были бы нечистыми, языческими, грѣховными дѣтьми, подверженными первородному грѣху. „А теперь“,—при вашей совместной согласной жизни,—они „святы“, т. е. благодатное освященіе ихъ вполнѣ обезпечено христіанскимъ вліяніемъ вѣрующаго супруга, при отсутствіи противодѣйствія супруга не вѣрующаго, нравственное вліяніе котораго на дѣтей не могло идти въ данномъ случаѣ, при нѣкоторой освященности самаго не вѣрующаго (ст. 13), въ разрѣзъ съ вліяніемъ христіанскимъ. Выраженіе „святы“ (ἅγιά ἐστί), въ противоположность естественной грѣховной нечистотѣ, въ его категорической формѣ и употреблено Апостоломъ въ виду будущаго несомнѣннаго факта благодатнаго освященія дѣтей *такихъ* именно родителей. Ясное и несомнѣнное будущее нерѣдко выражается въ настоящемъ времени. По сравненію съ гл. ἡγίασται прилаг. ἅγιά ἐστί представляетъ изъ себя болѣе сильное выраженіе, употребляющееся въ Св. Писаніи въ специально христіанскомъ смыслѣ, почему примѣнимо только къ христіанскому благодатному освященію. Впрочемъ, святость можетъ быть и настоящимъ свойствомъ тѣхъ дѣтей изъ смѣшаннаго брака, которыя

приняли крещеніе вмѣстѣ съ вѣрующею стороною—отцомъ или матерью“¹⁾).

Какъ видно, приведенное толкованіе страдаетъ большою неопредѣленностью. Во-первыхъ, безъ всякаго основанія ἡγίασται понимается въ смыслъ *нравственнаго* освященія, а ἡγία ἐστίν—въ значеніи *благодатнаго* освященія, тогда какъ оба выраженія имѣютъ несомнѣнно одинъ смыслъ. Во-вторыхъ, произвольно придается словамъ ἡγία ἐστίν значеніе будущаго, и при томъ *несомнѣннаго будущаго*, тогда какъ на эту несомнѣнность ничѣмъ въ текстѣ не указано, и самъ авторъ отказывается отъ своего толкованія, когда прибавляетъ, что святость могла быть *настоящимъ* свойствомъ тѣхъ дѣтей смѣшаннаго брака, которыя были крещены. Въ-третьихъ, авторъ совершенно ненатурально (слѣдуя, быть можетъ, Hardy, Le Baptême des enfants, 1882) истолковываетъ ἐπεὶ ἄρα—„иначе бо“ и дал. въ смыслъ второго самостоятельнаго практическаго основанія для предшествующей мысли Апостола (ст. 13. 14); на самомъ дѣлѣ слова эти служатъ обоснованіемъ непосредственно предшествующаго, выраженаго Апостоломъ съ такою саялою: „ибо невѣрующій мужъ *освящается* женою вѣрующею, и жена невѣрующая *освящается* мужемъ вѣрующимъ“, и относитъ ихъ къ ρὺ ἀφ' αὐτῶ 13 ст. будетъ явнымъ произволомъ. И нельзя не замѣтить, сколько предположеній, при своемъ толкованіи, нагромождаетъ авторъ: „а теперь—при вашей совмѣстной согласной жизни, они (т. е. дѣти) святы, т. е. благодатное освященіе ихъ вполне обезпечено христіанскимъ вліяніемъ вѣрующаго супруга, *при отсутствіи противодѣйствія супруга невѣрующаго*, нравственное вліяніе котораго на дѣтей не могло идти въ данномъ случаѣ, при нѣкоторой освященности самого невѣрующаго, въ разрѣзъ съ влія-

¹⁾ Стран. 34—37.

ніемъ христіанскимъ“. Но это „отсутствіе противодѣйствія“, „нѣкоторую освященность“ опять въ текстѣ разсматриваемаго мѣста нѣтъ никакого указанія и все это свободно примышляется.

О. Бурговъ вооружается противъ весьма распространеннаго, и въ древнее, и въ новое время, такъ называемаго ритуальнаго пониманія данныхъ словъ Апостола, которое придаетъ ἡγίασται значеніе: „не нечистъ“, „не оскверняется“, а ἁγία ἔσται изъясняетъ въ смыслѣ: „не нечисты“. „Простое категорическое указаніе Апостола—говоритъ авторъ—что въ брачномъ общеніи вѣрующаго супруга съ невѣрующимъ нѣтъ и не можетъ быть нечистоты, не могло имѣть значенія основанія для предшествующей мысли Апостола“¹⁾. Этимъ своимъ категорическимъ заявленіемъ и довольствуется авторъ, ни чѣмъ его не подтверждая. А въ дѣйствительности затрудненіе коринянъ именно въ томъ и состояло, *не оскверняется ли* христіанскій супругъ, продолжая свое брачное общеніе съ невѣрующимъ супругомъ,—язычникомъ, или іудеемъ,—*не нечистъ ли* такой бракъ, и это именно затрудненіе и разрѣшаетъ св. Апостолъ, указывая на *чистоту* смѣшанныхъ браковъ. „Ритуальное“ пониманіе данныхъ словъ наиболѣе, по нашему мнѣнію, оправдывается текстомъ; Ἀχάδαρτα показываетъ, что ἡγίασται и ἁγία нельзя понимать въ строго буквальный смыслъ. Необходимо только это пониманіе восполнить, насколько возможно, внутреннимъ моментомъ.

Святится бо мужъ невѣренъ о женѣ вѣрнѣ, и святится жена невѣрна о мужи вѣрнѣ. Святится—не въ томъ смыслѣ, что невѣрующая половина стала въ бракѣ уже дѣйствительно *освященною*, а въ томъ значеніи, что она не нечиста. Брачное отношеніе вѣрующаго съ невѣрую-

¹⁾ Стран. 34.

щимъ не дѣлаетъ вѣрующаго сквернымъ, ибо вѣрующая половина, какъ тѣло Христово, какъ храмъ Духа Святаго, очищаетъ невѣрующаго, „препобѣждаетъ его нечистоту“. Не потому бракъ становится бракомъ, что одна половина его вѣрующая; Апостолы не отрицали реальности языческихъ браковъ. Мысль св. Апостола та, что смѣшанные браки не должны считаться скверными, нечистыми, а потому супруги могутъ продолжать свое прежнее брачное общеніе. Нельзя понимать „святится“ въ смыслѣ нравственнаго освященія, или въ смыслѣ приведенія невѣрующаго къ вѣрѣ, ибо то и другое только возможны (ср. 1 Коринѣ. 7, 16), Апостолъ же опредѣленно говоритъ: ἁγιασται. *Святится*, — ибо невѣрующій супругъ уже исторгнутъ изъ тьмы или общенія съ нечистымъ, грѣховнымъ міромъ; онъ поставленъ въ иную—христіанскую среду. *Аще ли начатокъ святъ, то и примѣненіе, и аще корень святъ, то и вѣтви* (Римл. 11, 16).

Иначе бо—ἐπεὶ ἄρα, т. е. при противоположномъ взглядѣ,—если бы невѣрующій не святился чрезъ вѣрующаго, или если бы на невѣрующую половину въ бракъ смотрѣть, какъ на нечистую. Такой смыслъ имѣетъ ἐπεὶ ἄρα, напр., въ 1 Коринѣ. 5, 10: „понеже убо должны бы есте были (ἐπεὶ ὁφεῖλετε ἄρα) отъ міра сего изыти“, т. е. при противоположномъ взглядѣ, что не нужно имѣть общенія не только съ христіанами блудниками, но ни съ какими блудниками, или хищниками, или идолослужителями.

Чада ваша. Хотя употреблена форма τὰ τέκνα υἱῶν, а не υἱῶν, но, судя по ходу рѣчи, здѣсь разумѣются, какъ справедливо настаиваетъ и о. Бурговъ, не дѣти коринѣскихъ христіанъ вообще, а дѣти смѣшанныхъ браковъ, ибо рѣчь идетъ именно объ этихъ бракахъ.

Нечиста были бы, нынѣ же свята суть. Такъ какъ подъ „чадами“, какъ только что сказано, разумѣются не христіанскія дѣти вообще, а дѣти отъ смѣшанныхъ

браковъ, то не можетъ быть принято столь распространенное въ западной экзегетикѣ толкованіе, по которому Апостолъ, какъ бы обращаясь къ коринѣскимъ христіанамъ, спрашиваетъ ихъ: какъ вы смотрите на своихъ дѣтей? считаете ли вы ихъ нечистыми? Вѣдь ваши дѣти, хотя еще не приняли крещенія, но уже освящены, и освященіе имъ передается отъ ихъ вѣрующихъ родителей. Точно такимъ же или аналогичнымъ образомъ, разъясняетъ св. Павелъ, освящается и въ бракѣ невѣрующая половина чрезъ вѣрующую. Но Апостолъ, повторяемъ, говоритъ здѣсь о смѣшанныхъ бракахъ и о дѣтяхъ именно отъ этихъ браковъ. Такъ какъ смѣшанные браки, заключенные до принятія одною половиною христіанства, не нечисты, то и плодъ этихъ браковъ — дѣти такъ же не нечисты; отъ чистоты дѣтей такихъ браковъ, признаваемой естественнымъ чувствомъ родителей, заключается къ чистотѣ самихъ браковъ. Въ какомъ смыслѣ эти дѣти не нечисты? Понятіе ἀκάθαρτος прилагается въ Новомъ Заветѣ почти исключительно къ злымъ духамъ. Но встрѣчаемъ и слѣдующія мѣста: *никогдаже ядохъ всяко скверно или нечисто* (κοινὸν ἢ ἀκάθαρτον, Дѣян. 10, 14); *миѣ Богъ показа ни единого скверна или нечиста глаголати челоуѣка* (Дѣян. 10, 28); *изыдите отъ среды ихъ и отлучитесь, глаголетъ Господь, и нечистотѣ не прикасайтесь* (2 Корин. 6, 17); *всякъ блудникъ или нечистъ* (Ефес. 5, 5). На основаніи этихъ мѣстъ видно, что „нечистый“ то же, что не соотвѣтствующій іудейской ритуальности, не принадлежащій къ ветхозавѣтной теократіи, языческій (profanus), грѣховный. *Чада ваша нечиста были бы, нынѣ же свята суть*: они уже не суть дѣти языческія съ ихъ естественною нечистою; они уже изъяты изъ среды нечистоты; назначеніе ихъ иное, ибо они уже отчасти изведены изъ области господства князя міра. И святыи І. Златоустъ говоритъ, что ἁγία употреблено здѣсь въ усиленномъ смыслѣ. „Свята суть, т. е. не нечисты. Назы-

ваетъ ихъ святыми для того, чтобы такимъ названіемъ еще сильнѣе отгнать опасеніе супруговъ“¹⁾).

При такомъ пониманіи словъ: „нынѣ же свята сущі“, въ разсматриваемомъ мѣстѣ нѣтъ указанія ни на крещеніе дѣтей, ни на отсутствіе этого крещенія, благодатное дѣйствіе котораго замѣняется будто бы вѣрою родителей, освящающею дѣтей. Можно только сказать, что, по ученію св. Апостола, дѣти смѣшанныхъ браковъ уже *предназначены* къ крещенію, къ принятію христіанства, ибо они уже введены въ иную среду, не суть языческія дѣти.

II.

1 Иоан. 2, 22: *кто есть лживый, точию отлечаясь, яко Иисусъ нѣсть Христось.*

1 Иоан. 4, 2: *всякъ духъ, иже не исповѣдуетъ Иисуса Христа во плоти пришедша, отъ Бога нѣсть.*

1 Иоан. 5, 6: *Сей есть пришедый водою и кровію, Иисусъ Христось, не водою точию, но водою и кровію.*

Въ только что вышедшей, весьма солидной, ученой работѣ преподавателя Полтавской духовной семинаріи *Н. Сагарды*: „Первое соборное посланіе святаго Апостола и Евангелиста Іоанна Богослова, Полтава, 1903“, трудный вопросъ о лжеучителяхъ, обличаемыхъ въ первомъ посланіи ап. Іоанна, получаетъ такое рѣшеніе. „Нѣтъ возможности свести въ одинъ какой-либо даже цѣлый родъ всѣ виды обличаемаго въ посланіи антихристіанства... Въ центрѣ религіозной, нрав-

¹⁾ Бесѣды на первое посланіе св. Апостола Павла къ Коринѣянамъ, С.-Петербургъ, 1858, ч. I, стр. 336.

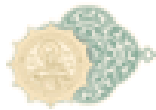
ственной, умственной и промышленной жизни (т. е. въ Ефесѣ) находили себѣ пріемъ всякаго рода ученія, изъ какого бы источника они ни исходили, съ преобладаніемъ, конечно, языческихъ идей, и всѣ они, столкнувшись съ христіанствомъ, старались понять и изъяснить его сообразно со своими основными воззрѣніями. Опасность угрожала не отъ одного Кириноа и его послѣдователей, хотя самъ Апостолъ называлъ его типичнымъ врагомъ истины. Въ Малой Азіи еще болѣе широкою волною, чѣмъ кириноіанство разливался языческо-гностическій докетизмъ во всѣхъ разнообразныхъ оттѣнкахъ, сопровождаемый въ то же время гибельнымъ извращеніемъ нравственнаго ученія,—онъ еще въ большей степени угрожалъ благосостоянію христіанскаго общества. Здѣсь же ютилось, можетъ быть, не такъ сильно распространенное, и строго іудействующее направленіе въ формѣ фарисейскаго эвіонизма, которое могло находить радушный пріемъ у живущихъ въ Ефесѣ и во всѣхъ болѣе или менѣе значительныхъ торговыхъ пунктахъ Малой Азіи въ довольно большомъ количествѣ іудеевъ и христіанъ іудействующихъ. Всѣ эти заблужденія и всѣ посредствующія между ними лжеученія искажали основной догматъ христіанской религіи, извращая ученіе о Лицѣ Іисуса Христа, ибо не были въ состояніи истиннымъ образомъ соединить то, что по человѣческимъ соображеніямъ казалось несоединимымъ¹⁾. По мнѣнію автора, въ посланіи обличается и „эвіонизмъ съ своимъ ученіемъ, что Христосъ былъ простой человѣкъ, и кириноіане, раздѣлявшіе Іисуса отъ Христа и видѣвшіе въ послѣднемъ только высшаго эона, и всякаго рода докеты, отрицавшіе истинное воплощеніе Сына Божія,—словомъ, всякое лжеученіе, видѣвшее въ Лицѣ Іисуса Христа человѣка, который не Богъ, или Бога, Который не

¹⁾ Стран. 146—147.

есть виѣстѣ съ тѣмъ истинный человѣкъ, и извращавшее, поэтому, истинное значеніе пришествія на землю Спасителя міра, Единороднаго Сына Божія“.

Что въ Ефесѣ—атомъ центрѣ религіозной и умственной жизни Малой Азіи сталкивались всякаго рода міровоззрѣнія, это, конечно, совершенно вѣрно,—такъ же, какъ и то, что здѣсь встрѣчались между собою разнообразныя національности. Но отсюда нельзя заключать, что въ первомъ посланіи ап. Іоанна обличается какая то амальгама всякаго рода лжеученій. Это, безъ сомнѣнія, не столько историческая точка зрѣнія, которая въ данномъ случаѣ единственно законна, сколько точка зрѣнія догматическая. Апостолъ Іоаннъ обличаетъ раздѣленіе Іисуса отъ Христа, Мессіи (2, 22), — отрицаніе Іисуса, какъ Христа пришедшаго во плоти (4, 2), — утвержденіе, что Іисусъ пришелъ водою, т. е. искупительными страданіями на крестѣ; а это приложимо, съ исторической точки зрѣнія, не ко всякой христологіи, извращавшей догматъ о Лицѣ Іисуса Христа, а къ извѣстной христологіи, именно христологіи кириноіанской, отдѣлившей Іисуса, простого человѣка, отъ соединившагося съ Нимъ временно при крещеніи высшаго, небснаго эона-Христа. Разсматриваемыя мѣста посланія ап. Іоанна произвольно разрѣшать въ ходячія общія формулы разнаго рода антихристовъ. Множество антихристовъ, о которомъ говоритъ Апостолъ, есть множество нумерическое, а не качественное.

Странными представляются намъ соображенія автора, что, при признаніи обличенія въ посланіи одного рода лжеучителей, непонятно было бы „вселенское... вѣками неизживаемое значеніе посланія Апостола Іоанна, какъ богодухновеннаго источника христіанской истины, могущаго служить оплотомъ и противъ современныхъ анти-христіанскихъ лжеучителей“ (стран. 148. 149). Это, повторяемъ, совершенно не историческая точка зрѣнія и, держась ея, невозможно бы-

ло бы говорить объ обличеніи извѣстныхъ, опредѣленныхъ лжеученій и въ другихъ Апостольскихъ писаніяхъ, а пришлось бы вездѣ усматривать ту же амальгаму лжеученій,—пожалуй даже видѣть пророчественное обличеніе всякихъ, имѣющихъ появиться въ будущемъ, анти-христіанскихъ направленій.

Нашъ взглядъ на лжеучителей перваго посланія ап. Іоанна, проведенный въ сочиненіи „Лжеучители, обличаемые въ первомъ посланіи Апостола Іоанна, Кіевъ, 1890, авторъ находитъ явно противорѣчивымъ. Ибо мы настаиваемъ, что въ посланіи обличается одинъ родъ лжеучителей, которые по своей христологіи были докеты не строгіе, а по своему нравственному ученію антиномисты, и въ то же время говоримъ, что между лжеучителями былъ Кириноѣ, который, по свидѣтельству древнихъ ересеологовъ, не держался антиномистическихъ воззрѣній. Одно изъ двухъ, заключаетъ г. Сагарда: или въ посланіи вовсе нѣтъ обличенія Кириноѣ, что стояло бы въ явномъ противорѣчій съ свидѣтельствомъ св. Иринея, или же въ посланіи обличается не одинъ родъ гностиковъ. Но не нужно, скажемъ, быть слишкомъ придирчивымъ къ словамъ. Мы допустили такое же противорѣчіе, въ какое впалъ самъ авторъ, когда, при своемъ стремленіи разрѣшiti лжеученіе, обличаемое въ первомъ посланіи ап. Іоанна, въ общія антихристіанскія формулы, онъ вынужденъ былъ однако сказать, что самъ Апостолъ называлъ Кириноѣ типичнымъ врагомъ истины (стр. 146). Кириноѣ не составляетъ, конечно, особаго рода лжеучителей. Свой взглядъ мы можемъ выразить такъ, что въ посланіи обличается Кириноѣ и его послѣдователи. Самъ Кириноѣ не проводилъ антиномизма, но его послѣдователи, опираясь на его же гностическихъ посылакахъ, естественно могли это сдѣлать.

Авторъ полагаетъ, что его точка зрѣнія на лжеучителей перваго посланія ап. Іоанна вполне оправдывается исторіею, и, наоборотъ, всякая другая точка зрѣнія лишена историчности. Онъ пишетъ слѣдующее: „Состояніе мало-азійскихъ

церквей, къ концу жизни Апостола Павла и особенно въ періодъ пребыванія тамъ Апостола Іоанна, многообразныя опасности, угрожавшія имъ со всѣхъ сторонъ, и та разнородная борьба, какую они должны были выносить подъ водительство Апостола, не позволяютъ даже думать, что увѣщательно полемическое посланіе стража Церкви, зорко присматривавшагося и прислушивавшагося ко всему, что дѣлали и говорили антихристы и ревниво оберегавшаго своихъ возлюбленныхъ чадъ отъ всякаго рода обольщеній, направлено противъ одного рода еретиковъ, или даже противъ отдѣльнаго еретика. Только совершенно отрѣшившись отъ почвы и обстоятельствъ, среди которыхъ и на которыхъ возрастали мало-азійскія церкви и отправляя свое апостольское служеніе св. Іоаннъ, можно спорить о родѣ еретиковъ и съ видимою научною основательностью рѣшительно указывать на Киринаа, какъ единственнаго антихриста, обличаемаго Апостоломъ Іоанномъ“ (стр. 149). Но, держась этой точки зрѣнія, нужно бы видѣть обличеніе разнаго рода лжеученій и въ посланіи къ Колоссянамъ, и въ Пастырскихъ посланіяхъ, и въ Апокалипсисѣ. Эта точка зрѣнія отличается вообще большою эластичностью.

III.

Къ изъясненію Іоан. 8, 44 и 10, 12. 13.

Профессоръ Московской Духовной Академіи М. Тарѣевъ упорно защищаетъ справедливость своего толкованія Іоан. 8, 44 и 10, 12. 13, высказаннаго на страницахъ Богословскаго Вѣстника (1903, кн. 9 и 10). Это видно изъ его статьи „Экзегетическія замѣтки“, помѣщенной въ майской книгѣ „Богословскаго Вѣстника“ за настоящій годъ и составляющей отвѣтъ на наши „Экзегетическія замѣчанія“ (Труды Киевской Духовной Академіи, 1904, мартъ), гдѣ мы показали

полную неудовлетворительность толкованія данныхъ мѣстъ проф. Тарѣвымъ. Прежде всего считаемъ нужнымъ замѣтить, что этотъ отвѣтъ написанъ въ высшей степени грубо, имѣетъ одною изъ своихъ цѣлей нанести намъ всяческія оскорбленія, и это тѣмъ болѣе непонятно, что, съ своей стороны, мы не подали проф. М. Тарѣву ни малѣйшаго повода къ употребленію такихъ недостойныхъ серьезнаго ученаго полемическихъ пріемовъ. Явно, что проф. М. Тарѣвъ насъ не понялъ. Никакими „призраками Гильгенфельда и Фолькиара“ мы ему не угрожали, а сдѣлали только простую историческую справку, имѣющую своею цѣлью не выясненіе генезиса толкованія проф. Тарѣва, а доказательство того, что изъясненіе г. Тарѣва не можетъ претендовать даже на оригинальность. Поневолѣ приходится сказать, что „у страха глаза велики“

Но обратимся къ самому отвѣту проф. Тарѣва.

„Мое изъясненіе и того и другого мѣста (т. е. Іоан. 8, 44 и 10. 12. 13) критикъ находитъ „ненатуральнымъ“ (стр. 447. 449). Было бы весьма интересно узнать отъ проф. Богдашевского, что онъ разумѣетъ подъ „натуральностью“ экзегесиса, такъ какъ у ученыхъ комментаторовъ нѣтъ обыкновенія называть тотъ или другой экзегесисъ такимъ терминомъ“.

Видно, что г. Тарѣвъ мало знакомъ съ комментаріями, если говоритъ, что ученые экзегеты не пользуются терминомъ „натуральное толкованіе“. А если онъ держится того взгляда, что нѣтъ ни ненатуральнаго, ни натурального экзегесиса, ни яснаго, ни неяснаго толкованія, ибо что для одного натурально, то для другого искусственно, или что для одного ясно, то для другого темно, то оспаривать этотъ релятивизмъ профессора мы не намѣрены. Быть можетъ, онъ лучше насъ пойметъ, если мы скажемъ, что его толкованіе данныхъ мѣстъ парадоксально. Но тогда онъ будетъ интересоваться,

что такое парадоксальное толкованіе, и очутится въ положеніи извѣстнаго метафизика басни Хемницера.

Профессоръ Тарѣвъ обличаетъ насъ, далѣе, въ томъ, что мы исказили его мысль и въ такомъ искаженномъ видѣ подвергли ее критикѣ, — „пріемъ самый употребительный, но неприглядный“. Въ чемъ же именно мы исказили мысль г. Тарѣва? Въ томъ, будто бы приписали ему утвержденіе, что глаголь *σχορπίζειν* не имѣетъ значенія „разгонять“, а затѣмъ, исказивши такъ мысль автора, указывали примѣры такого значенія глагола. Но это явная на насъ клевета. И мы говорили не объ общемъ значеніи глагола *σχορπίζειν*, а о его употребленіи въ Новомъ Завѣтѣ. Мы не сомнѣвались и теперь не сомнѣваемся, что проф. Тарѣвъ знаетъ на основаніи словарей общее значеніе *σχορπίζειν*: „разгонять“ и „расточать“, но онъ, повторяемъ, не зналъ, что *σχορπίζειν* имѣетъ въ Новомъ Завѣтѣ значеніе „разгонять“. Вѣдь и теперь проф. Тарѣвъ настаиваетъ, что въ Іоан. 16, 32 *σχορπίζειν* принадлежитъ общее неопредѣленное значеніе. Гдѣ же, послѣ этого, *σχορπίζειν*, по его мнѣнію, означаетъ въ Новомъ Завѣтѣ „разгонять“?

Мы говорили, что если при *σχορπίζειν* стоитъ accusativus (точнѣе accusativ. лица), то этотъ глаголь означаетъ: „разсѣивать“, „разгонять“, и сдѣлали въ подтвержденіе этого ссылку на Пс. 17 (18), 15; 2 Цар. 22, 15 и Іоан. 16, 32. А проф. Тарѣвъ намъ возражаетъ: „вотъ блудный сынъ расточаетъ имѣніе свое (*διασχορπισεν τὴν οὐσίαν αὐτοῦ*), управитель расточаетъ имѣніе хозяина (*διασχορπίζων τὰ βάρηχοντα αὐτοῦ*)! Но поймите, почтенный профессоръ, что мы опредѣляемъ значеніе *σχορπίζειν*, а не *διασχορπίζειν*; ваша ссылка на Лук. 15, 13 и 16, 1 явно здѣсь непригодна. Не говоримъ о томъ, что опущена изъ вниманія наша ссылка на Іоан. 16, 32, при внушительномъ намъ замѣчаніи: „ссылается на единственный ветхозавѣтный примѣръ Пс. 17

(18), 15=2 Цар. 22, 15. Вотъ разительный примѣръ послѣднихъ обобщеній“.

Весьма интересно разъясненіе проф. Тарѣва, почему въ Іоан. 10, 12 нужно придать *σχορπίζειν* именно значеніе „расточать“, „растеривать“. Вотъ это разъясненіе. „Частный отгѣнокъ въ употребленіи глагола зависитъ не отъ этого (т. е. не отъ стоящаго при *σχορπίζειν* *accusat.*, какъ утверждаемъ мы), а отъ контекста, отъ того, съ какимъ подлежащимъ онъ сочетается. Въ нашемъ текстѣ важно опредѣлить, какое подлежащее при *σχορπίζει* *tà próβατα*: пастухъ или волкъ. Чтобы опредѣлить это, мы обращаемся къ употребленію глагола въ другихъ новозавѣтныхъ мѣстахъ (а раньше, замѣтимъ, г. Тарѣвъ противъ насъ писалъ: „не по употребленію въ Новомъ Завѣтѣ я опредѣлялъ значеніе глагола, а именно говорилъ объ его употребленіи въ Новомъ Завѣтѣ“), и находимъ болѣе или менѣе устойчивое сочетаніе съ подлежащимъ: домоправитель, хозяинъ. Это даетъ намъ обоснованную возможность и въ нашемъ текстѣ относить глаголъ къ подлежащему: пастухъ, а не волкъ“. Какъ видимъ, изъ того, что въ другихъ мѣстахъ Нового Завѣта *σχορπίζειν* болѣе или менѣе устойчиво соединяется съ субъектомъ: домоправитель, хозяинъ, проф. Тарѣвъ заключаетъ, что и въ Іоан. 10, 12 при *σχορπίζει* подразумѣвается *μισθωτός*, а не *λύκος*. Логика замѣчательная!... Вѣдь, пастухъ, по мнѣнію профессора экзегета, есть хозяинъ овецъ... Переходъ естественный, натуральный!.. Руководясь такою логикою, можно, пожалуй, сдѣлать, при данныхъ послыдкахъ, переходъ и къ *λύκος*, потому что и домоправитель, хозяинъ, можетъ, по своимъ качествамъ, приближаться иногда къ хищному *λύκος*. И откуда, спрашивается, г. Тарѣвъ заключилъ о болѣе или менѣе устойчивомъ сочетаніи въ Новомъ Завѣтѣ *σχορπίζειν* съ подлежащимъ: домоправитель, хозяинъ? Прямыхъ мѣстъ такого рода въ Новомъ Завѣтѣ нѣтъ, и только, выходя изъ того явно искусственнаго сообра-

женія, что расточеніе предполагаетъ обладаніе, а обладатель есть домоправитель, хозяинъ, можно привлекать Матѳ. 12, 30; Лук. 11, 23 и 2 Коринѳ. 9, 9. Каждому „непосредственно очевидно“, что въ первыхъ двухъ мѣстахъ субъектомъ является человѣкъ, враждебно относящійся ко Христу („расточаетъ“, т. е. расточаетъ жатву Христову), а въ третьемъ—праведникъ. Прямѣе было бы сказать, что если въ трехъ мѣстахъ Новаго Завѣта *σχορπίζειν* имѣетъ значеніе „расточать“, то такое же значеніе ему принадлежитъ и въ четвертомъ мѣстѣ, т. е. въ Іоан. 10, 12 („расточаетъ“ „растериваетъ“—значить пастухъ, а не волкъ). Но слабость этой аргументаціи сразу же была бы очевидна, а потому она и запутана. И здѣсь, очевидно, проф. Тарѣвъ имѣетъ въ виду не только глаголъ *σχορπίζειν*, но и *διασχορπίζειν*. Но изъ 9 мѣстъ Новаго Завѣта, гдѣ употребляется *διασχορπίζειν* (*διασχορπίζωσθαι*): Матѳ. 25, 24. 26; 26, 31; Марк. 14, 27; Лук. 1, 51; 15, 13; 16, 1; Іоан. 11, 52; Дѣян. 5, 37, въ пользу проф. Тарѣва говорятъ только три: Матѳ. 25, 24. 26; Лук. 16, 1, а Лук. 15, 13 можно привлекать только при отождествленіи блуднаго сына, расточившаго свое имѣніе, съ хозяиномъ, домоправителемъ. Такой характеръ имѣетъ „обоснованная возможность“ относить *σχορπίζειν* въ Іоан. 10, 12 къ пастуху, а не къ волку. Ср. и Лук. 1, 51: Богъ, высочайшій Домовладыка, *διασχορπίζειν* *ὑπερφάνους*.

Кого, спросимъ далѣе, морочить проф. Тарѣвъ въ слѣдующей своей тирадѣ: „Что волкъ, бросающійся въ стадо, схватываетъ одну овцу (какъ у Богдашевскаго), а остальныхъ распугиваетъ, это обычное явленіе. Но не объ обстановкѣ этого явленія, не о томъ, что похищеніе овцы волкомъ сопровождается разсѣяніемъ стада, идетъ рѣчь въ притчѣ. Притча говоритъ не о случаѣ нападенія волка, но даетъ схему отношеній къ стаду—пастыря, наемника и волка: пастухъ (всегда) полагаетъ жизнь свою за овцѣ,

паемникъ убѣгаетъ, какъ только завидитъ приходящаго волка, оставляетъ овецъ, а волкъ расхищаетъ ихъ (αὐτά). Если вопросъ о картинѣ явленія, одно дѣло; если о схемѣ, другое дѣло“. Вотъ уже подлинное словоизвѣтіе!.. Не мы виновны въ хитросплетеніи, а повиненъ въ немъ проф. Тарѣевъ. Къ чему вся эта рѣчь о „схемѣ“ и „картинѣ“, и, частіе, „схемѣ отношенія волка къ стаду“?.. Евангельскій текстъ ясенъ безъ всякихъ подобныхъ „схемъ“: „видитъ приходящаго волка и оставляетъ овецъ, и бѣжитъ“ и дал.

Быть можетъ, самъ г. Тарѣевъ сознаетъ, что все это одно только мороченіе головы, а потому продолжаетъ. „Во-вторыхъ—и это самое главное. Если даже допустить возможность картиннаго изображенія, *все равно* (курсивъ автора) этимъ не устраняется странность употребленія сначала указат. мѣст., а потомъ существительнаго. Пусть волкъ однихъ овецъ растерзываетъ, а другихъ распугиваетъ, въ этомъ еще нѣтъ основанія сказать: растерзываетъ *ихъ* и распугиваетъ *овецъ*, все равно нужно было бы сказать: растерзываетъ овецъ и распугиваетъ *ихъ*“. Жаль, что не сказано такъ, какъ нужно бы, по мнѣнію Тарѣева, сказать!.. Прискорбно за того экзегета, который конструкцію новозавѣтной рѣчи опредѣляетъ нашею русскою конструкціею. Это—полное незнаніе новозавѣтнаго языка. Въ жару своей полемики проф. Тарѣевъ не понялъ даже нашего замѣчанія, что „замѣна простого αὐτά при σχορπίζει чрезъ τὰ πρόβατα объясняется.. усиленіемъ мысли“ (т. е. чрезъ постановку τὰ πρόβατα вм. αὐτά) и спрашиваетъ насъ: „ужели „разогнать“ сильнѣе, чѣмъ расхитить?!“.

Обращаемся къ защитѣ проф. Тарѣевымъ своего толкованія Іоан. 8, 44.

Толкованіе это мы назвали страннымъ, ибо въ Писаніи нигдѣ нѣтъ рѣчи объ „отцѣ діавола“. На это г. Тарѣвъ возражаетъ: „кромѣ, какъ я полагаю, даннаго мѣста“ и продолжаетъ: „вѣдь и объ отцѣ лжи въ Писаніи нигдѣ нѣтъ рѣчи... ergo, оба толкованія въ этомъ отношеніи одинаковы“. На самомъ дѣлѣ, толкованія наши далеко не одинаковы. Что діаволъ есть „отецъ лжи“ (теперь проф. Тарѣвъ уже не говоритъ, что выраженіе „отецъ лжи“ совершенно безсмысленно), это видно изъ непосредственно предшествующихъ словъ: *во истинѣ не стоитъ*, равно изъ Быт. 3, 1 и далѣе, гдѣ діаволъ представляется какъ *auctor mendacii*. Но что въ Евангеліи Богъ можетъ называться „отцемъ діавола“, этого ни чѣмъ нельзя подтвердить. Богъ есть Творецъ, Владыка діавола, предъ Которымъ онъ трепещетъ, но не Отецъ діавола.

Данное мѣсто ев. Іоанна есть единственное въ Новомъ Завѣтѣ мѣсто, гдѣ одинъ предикатъ (φᾠστῆς) употребленъ безъ члена, другой (ὁ πατήρ)—съ членомъ, а потому требованіе, чтобы мы указали другіе подобные примѣры, является безусловно невыполнимымъ. Вѣдь могутъ же быть исключенія въ новозавѣтномъ языкѣ!... Мы ясно показали, почему φᾠστῆς стоитъ безъ члена, а πατήρ—съ членомъ. Повторимъ свою аргументацію. „Что при φᾠστῆς нѣтъ члена, а при πατήρ находится членъ, это объясняется тѣмъ же, почему и въ предшествующемъ въ одномъ случаѣ при ἀλήθεια поставленъ членъ, въ другомъ—нѣтъ: и *во истинѣ* (ἐν τῇ ἀλήθειᾳ) *не стоитъ, яко нѣсть истины* (οὐκ ἔστιν ἀλήθεια) *въ немъ*. Слова: *яко лжецъ* (φᾠστῆς) *есть* соотвѣтствуютъ именно выраженію: *яко нѣсть истины въ немъ*,—истины вообще, которая чужда его существу; и это потому, что *во истинѣ не стоитъ* (источное начало лжи діавола),—истинѣ καὶ ἐξοχήν, которую Богъ открылъ: діаволъ первый виновникъ (ὁ πατήρ) отступленія отъ истины Божіей, избрѣтатель лжи“. Никакого хитросилетенія въ этой аргументаціи, кото-

рую г. Тарѣвъ не привелъ въ цѣлости, нѣтъ; мы совершенно законно опираемся на параллелизмъ Апостольской рѣчи: предшествующее отрицательное: *ὅτι οὐκ ἔστιν ἀλλήθεια ἐν αὐτοῖς*—слѣдующему положительному: *ὅτι ψεῦδος ἐστι*. Между тѣмъ г. Тарѣвъ занимается именно простымъ хитросплетеніемъ, когда пишетъ слѣдующее: „Вѣдь, если бы я говорилъ, что каждое существительное въ евангеліи употребляется или на всемъ протяженіи съ членомъ или на всемъ протяженіи безъ члена (кто, спросимъ, можетъ утверждать такую нелѣпость и кто подвергалъ бы ее критикѣ), въ такомъ случаѣ его (т. е. нашъ) примѣръ имѣлъ бы значеніе. Но, вѣдь, я говорю о членѣ при одинаковыхъ частяхъ одного предложенія, а онъ указываетъ мнѣ на одно слово въ двухъ предложеніяхъ. Вѣдь два предложенія, хотя бы и рядомъ стояли, не составляютъ одного предложенія“ (этого не осмѣливаемся подвергать сомнѣнію). Выходитъ, что, умѣя самъ писать туманно, проф. Тарѣвъ не понимаетъ нашей ясной аргументаціи. Быть можетъ, пониманіе даннаго мѣста ему облегчать Бутманъ, Винеръ, Шмидель, Блясъ, которые нѣсколько лучше знаютъ особенности новозавѣтнаго языка, чѣмъ нашъ критикъ, и ссылка на которыхъ не имѣетъ своею цѣлью „защиту чести семинарскихъ учебниковъ“.

Но вотъ проф. Тарѣвъ собирается, далѣе, нанести намъ рѣшительнѣйшій ударъ, предъ которымъ мы должны уже безусловно умолкнуть и „благородно сознаться въ своей ошибкѣ и не позорить себя упорствомъ“. Да, ударъ страшный!... „Несокрупимую (въ примѣчаніи прибавляется: „съ консервативной точки зрѣнія, на которой стоитъ Богдашевскій“) опору—пишетъ онъ—для своего объясненія Іоан. 8, 44 я нашелъ въ древне-славянскихъ переводахъ. Въ „Остромировомъ Евангеліи 1056—57 г., хранящемся въ Импер. публ. библіотекѣ“, л. 33 (я имѣлъ подъ руками фотожитограф. изд. Спб. 1883) читается: „яко ложь и отецъ его“. То же чтеніе въ принадлежащихъ библіотекѣ М. Д. А. пергам. ру-

кописяхъ—XII в. (№ 1 Волок.) л. 19 обор., XIV в. (№ 138) л. 166 об. . . . То же чтеніе имѣютъ „Новый Заветъ Г. н. І. Хр., трудъ святителя Алексія, М. М. (я имѣлъ фототип. изд. Леонтія М. М. 1892), „Мирославльево јевангеліе (XII в.—изданіе кор. Серб. Александра Беогр. 1897)“. Далѣе слѣдуютъ ссылки на другія древне-славянскія рукописи, имѣющія переводъ: „яко ложь есть и отецъ его“ и дѣлается заключеніе: „предлагаемый мною на критическихъ основаніяхъ переподъ Іоан. 8, 44 оказывается древнѣйшимъ славянскимъ переводомъ, исчезнувшимъ лишь въ бумажно-печатный періодъ, вѣроятно, подъ вліяніемъ „цензуры“ извѣстнаго рода мыслителей“.

Вся эта „сокрушительная“ для консерваторовъ аргументація есть плодъ какого то недомыслия со стороны г. Тарѣева. Неужели нашъ критикъ не замѣчаетъ, что въ буквальный древне-славянскій переводъ онъ влагаетъ ту мысль, какая ему желательна и какая въ немъ вовсе прямо не дана? Неужели не замѣчаетъ?... Проф. Тарѣевъ явно путаетъ: древне-славянскій переводъ является несокрушимую опору то для его *объясненія*, то для его *перевода*. А, вѣдь, есть же различіе между объясненіемъ и переводомъ. „Яко ложь есть и отецъ его“. Ни откуда не видно, что „яко“ не имѣетъ здѣсь кавзальнаго значенія, и это „непосредственно очевидно“ только для нашего критика, приступающаго къ толкованію древне-славянскаго перевода съ извѣстною уже предзанятою мыслію; ни откуда не видно, что „ложь“ (т. е. лживый, лжецъ) въ древне-слав. переводѣ есть предикатъ, а „отецъ его“—субъектъ рѣчи: это опять своеобразное толкованіе. Этимъ своимъ толкованіемъ проф. Тарѣевъ такъ увлекся, что даже опускаетъ „есть“ (въ Новомъ Заветѣ митроп. Алексія, какъ и въ Острог. и Миросл., читается: „ложь есть и отецъ его“) и прямо заявляетъ, что древне-славянскій переводъ означаетъ: „что лживъ и отецъ его“. Вся эта сокрушительная для насъ консерваторовъ аргументація г. Тарѣева походитъ на софизмъ.

И послѣ этого проф. Тарѣвъ имѣеть смѣлость писать: „не смущала древнихъ переводчиковъ и идея „отца діаволова“: тогда еще гг. Богдашевскіе не пугали переводчиковъ и читателей призраками „Гильгенфельда и Фолькмара“. На это мы должны отвѣтить: если бы наша экзегетика разрабатывалась гг. Тарѣвыми, то она обратилась бы въ рядъ сплошныхъ экзегетическиххъ парадоксовъ, безцѣльнаго оригинальничанья. Послѣ этого проф. Тарѣвъ можетъ развязно высмѣивать насъ, что наше толкованіе „не доводитъ до свягой древности“, а его своеобразное отношеніе къ евангельскому тексту „приводитъ къ древнему сокровищу церковнаго преданія“. Никто, думаемъ, не пожелаетъ такого пользованія сокровищемъ церковнаго преданія. Для г. Тарѣва не имѣютъ никакого значенія древніе переводы: Сирскій, древне-латинскій, Вульгата и др., гдѣ стоитъ *quia mendax est* (Syr: *quia mendax est, etiam pater ejus*).

п'євѣт, или похвала, кто здеи, набоже, полжени в блато, полно со-

знаться въ своей ошибкѣ и не позорить себя упорствомъ“? Предоставляемъ судить объ этомъ читателямъ.

Мы прямо удивляемся, почему проф. Тарѣевъ упорствуетъ. Вѣдь ясное, кажется, яснаго Божьяго дня такое теченіе евангельской рѣчи: „Когда говоритъ онъ ложь, отъ своего говоритъ“. Почему „отъ своего“? „Ибо онъ ложь“ и дал. И наоборотъ, нельзя, кажется, придумать болѣе искусственной конструкціи даннаго мѣста, чѣмъ слѣдующая, предлагаемая г. Тарѣевымъ: „когда говоритъ онъ эту ложь (что лжець и Отець его), то онъ отъ себя говоритъ, что лжець и Отець его“.

Возможны два грамматически правильные перевода даннаго мѣста: 1) „когда говоритъ онъ ложь, отъ своего говоритъ, ибо онъ лжець и—даже (онъ) отецъ аѳѳѳ (т. е. лжи — φεῦδος)“; и 2) „когда говоритъ онъ ложь, отъ своего говоритъ, ибо онъ лжець и (лжець) отецъ его (или какъ въ нѣкоторыхъ древне-латинскихъ переводахъ: „какъ и отецъ“ — sicut et pater), т. е. диміургъ. Но послѣдній переводъ явно невозможенъ вслѣдствіе получаемой при немъ мысли.

Итакъ, кто изъ насъ попалъ „въ тупикъ“? Кажется, что не „консерваторъ“ оказался въ такомъ положеніи.

IV.

Къ изъясненію Лук. 16, 1—13.

Защитивши указаннымъ способомъ свое пониманіе Іоан. 8, 44 и 10, 12. 13, проф. Тарѣевъ переходитъ къ опроверженію нашего толкованія притчи Господа о неправедномъ домоуправителѣ и предлагаетъ свое изъясненіе послѣдней. Почему онъ отвергаетъ наше толкованіе? „Старо“,—говоритъ,—„уже пресытило насъ“... Но лучше хорошее старое, чѣмъ парадоксальное новое, ни кого не питающее. Г. Тарѣевъ развязно замѣчаетъ: „вчера я прочиталъ статью Богдановскаго, нынѣ ему отвѣчаю, и не имѣю ни времени, ни желанія справляться съ комментаріями“. Вотъ какое

легкомысленное отношеніе къ дѣлу: къ рѣшенію одной изъ труднѣйшихъ экзегетическихъ проблемъ г. Тарѣвъ приступаетъ, не имѣя вовсе солидной подготовки. Неудивительно, отсюда, что его „писаніе“ носитъ такой „своеобразный“ характеръ.

Г. Тарѣвъ начинаетъ приведеніемъ нашего объясненія притчи о неправедномъ домоуправителѣ. „И похвали господь домустроителя неправеднаго: похвалилъ не за его неправду, а за его мудрость, т. е. житейскую опытность, находчивость, предусмотрительность; фактъ неправедности домоуправителя ясно поставляется на видъ въ словахъ: *неправеднаго* домустроителя; домовладыка хвалитъ только мудрую заботливость домустроителя о будущемъ, но не одобряетъ избранныхъ имъ для этого средствъ“. „Итакъ—заключаетъ проф. Тарѣвъ—по мнѣнію Богдашевскаго, „если господинъ похвалилъ управителя невѣрнаго (неправеднаго)“, то значитъ „неправедность поставляется на видъ“, какъ не заслуживающая похвалы. Но поставлять въ такую странную связь наши мысли можетъ только г. Тарѣвъ, и только онъ можетъ такъ скоро подмѣнивать „неправедность“ словомъ „невѣрность“. „Это—продолжаетъ нашъ критикъ—ясный образчикъ схоластической увертливости, подправленной „дешевымъ благочестіемъ“. Не завидуемъ мы логикѣ проф. Тарѣва, подправленной „истиннымъ благочестіемъ“.

„Евангельскій текстъ—продолжаетъ г. Тарѣвъ—нужно понимать обратно этому толкованію. Если господинъ похвалилъ управителя невѣрнаго (неправеднаго), то значитъ похвалилъ именно управителя невѣрнаго, и слѣдовательно притча научаетъ насъ именно невѣрности (неправедности), хотя бы эта мысль претила дешевому благочестію и „азбучной этикѣ“. Опять „дешевое благочестіе“!... Но къ этому „дешевому благочестію“ и „азбучной этикѣ“ возвращается самъ нашъ великій моралистъ, когда продол-
жаетъ. „Въ самомъ дѣлѣ, читайте притчу: управителю от-

должниками; и вотъ „похвалилъ господинъ управителя невѣрнаго, что догадливо поступилъ“ (ст. 8). *Здѣсь ужъ поистиннѣ „всякому непосредственно очевидно“, что господинъ похвалилъ управителя за его догадливость, за „избранное имъ средство“ обезпечить свою будущность“.* Понятіе „невѣрности“ (неправедности) управителя, какъ видимъ, уже исчезаетъ, а выступаетъ только его догадливость (эти двѣ черты управителя г. Тарѣвъ смѣшиваетъ и дальше). Видно ясно, что нашъ критикъ пишетъ свои статьи именно такъ: „вчера прочиталъ... нынѣ отвѣчаю, и не имѣю ни времени, ни желанія справляться съ комментаріями“. Забывши то, что онъ только что написалъ согласно „азбучной этикѣ“ и „дешевому благочестію“, проф. Тарѣвъ безъ смущенія продолжаетъ. „Рекомендуя намъ невѣрность управителя, притча оговаривается(?): „ибо сыны вѣка сего догадливыѣ сыновъ свѣта въ своемъ родѣ“. Намъ рекомендуется подражать невѣрности управителя для своихъ цѣлей, въ своемъ родѣ,—намъ рекомендуется поступать аналогично невѣрности управителя“.

Каждому, и не читающему дальше статьи, „непосредственно очевидно“, что понятію „невѣрность“ (неправедность) г. Тарѣвъ ухитрится придать какой то особенный здѣсь смыслъ. Какой же именно?

Замѣтивши, что *οἰκονόμος* τῆς ἀδικίας и *μαρτυρὰς* τῆς ἀδικίας нужно переводить: „домостроитель невѣрный (неправедный)“ и „богатство невѣрное (неправедное)“ и что τῆς ἀδικίας должно быть объясняемо одинаково въ примѣненіи къ управителю и въ примѣненіи къ богатству,—при чемъ въ объясненіи нужно идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному, отъ образа къ обозначаемому, т. е. отъ управителя къ богатству,—авторъ разъясняетъ, что „управитель невѣрный“—это управитель, „не оправдывающій довѣрія господина, не вѣрный интересамъ имѣнія, которое ему было ввѣрено“. А въ приложеніи къ богатству,—не къ лицу,

какъ управитель, а къ вещи,—τῆς ἀδικίας получаетъ такой смыслъ: „богатство невѣрное, т. е. интересамъ котораго оказываютъ невѣрность, которое расточаютъ? Но лучше, по мнѣнію Тарѣва, τῆς ἀδικίας при μαμωνᾶς передать такъ: „богатство невѣрности, мамона невѣрности (=невѣрность богатству)“. „Управитель — невѣрный, такъ какъ не соблюдаетъ интересовъ имѣнія, не приумножаетъ его, расточаетъ, и богатство есть мамона невѣрности, такъ какъ (?) не соблюдаютъ его интересовъ, расточаютъ его“. „Притча научаетъ: какъ *невѣрный управитель* былъ догадливъ въ своемъ родѣ, такъ мы должны приобрѣтать себѣ вѣчныя обители мамоной невѣрности, т. е. невѣрностью интересамъ богатства“.

Не завидуемъ мы этой логикѣ проф. Тарѣва, безмѣрно превосходящей „логику учебниковъ“. Вотъ соотношеніе понятій, указываемое нашимъ критикомъ: богатство невѣрное = богатство невѣрности = невѣрность богатству. Не хитросплетеніе ли это?.. Какой, спрашивается, γενitiv. τῆς ἀδικίας? Такъ какъ вмѣсто „невѣрность“ можно поставить: „неправедность“ или „небрежность“, „нерадивость“, то получаемъ: „богатство неправедное“ = „богатство неправедности“ = „неправедность (съ нашей стороны) въ отношеніи къ богатству; или: „богатство небрежное“ = „богатство небрежности“ = „небрежность наша къ богатству“. И послѣ этого г. Тарѣвъ проситъ насъ разъяснить, что такое натуральное толкованіе!.. Подобнаго толкованія τῆς ἀδικίας никто никогда не проводилъ и, мы увѣрены, никто и не будетъ проводить. Что получается, если данный способъ изъясненія проф. Тарѣва примѣнить къ однороднымъ по строю выраженіямъ, напр., ὁ πλοῦτος (τὸ πλοῦτος) τῆς δόξης? Получается не „богатство славы“, т. е. полнота славы, а „слава (съ нашей стороны) богатству“... Мамона неправды можетъ означать богатство неправедное (т. е. обманчивое), или богатство, стяжанное неправдою, или богатство, ведущее къ неправдѣ, — съ которымъ

растетъ, умножается неправда, но—никогда не можетъ имѣть значенія: „невѣрность (съ нашей стороны) богатству“, его интересамъ. Тутъ никакое упорство не должно имѣть мѣста. Въ словахъ: „похвали господинъ домостроителя неправеднаго, яко мудръ сотвори“ сила рѣчи падаетъ не на словѣ „неправеднаго“, а—„яко мудръ сотвори“: похвалилъ, при его невѣрности, или не смотря на его невѣрность, за его догадливость, подражать которой въ методикѣ дѣйствованія должны христіане.

Свое явное хитросплетеніе г. Тарѣвъ думаетъ оправдать свойственною Евангелію „смѣлостью мысли“, „свободою переходовъ“, „слѣдующихъ логикъ идей, а не логикъ словъ“. Вотъ „смѣлый“ переходъ, по мнѣнію Тарѣва, отъ Лук. 16, 9 къ Лук. 16, 10: „пріобрѣтайте себѣ друзей невѣрностью богатству... вѣрный въ маломъ и во многомъ вѣренъ“ и пр. Идея такая: невѣрность богатству есть высшая вѣрность Богу“. Понимайте, какъ знаете!... Это, видите ли, „смѣлость переходовъ“!... Только что была рѣчь о невѣрности богатству, а далѣе слѣдуетъ: „вѣрный въ маломъ (т. е. вѣрный въ богатствѣ земномъ) и во многомъ (т. е. въ благахъ вѣчныхъ) вѣренъ“.

Г. Тарѣва съ его презрѣніемъ къ „дешевому благочестію“ и „логикѣ учебниковъ“ ничто не смущаетъ. Онъ не изясняетъ намъ Евангельскій текстъ, а явно насилуетъ его, примѣнительно къ своему „своеобразному“ толкованію. Каждому „непосредственно очевидно“, что, при указанномъ пониманіи $\rho\alpha\rho\omega\nu\acute{\alpha}\varsigma\ \tau\eta\varsigma\ \acute{\alpha}\delta\iota\kappa\iota\alpha\varsigma$, г. Тарѣвъ встрѣчался съ необыкновенною трудностью, какой нужно придать смыслъ $\epsilon\nu\ \tau\eta\ \acute{\alpha}\delta\iota\kappa\eta\ \rho\alpha\rho\omega\nu\acute{\alpha}\varsigma$ въ Лук. 16, 11. Но онъ преодолеваетъ эту трудность легко, со свойственною ему „смѣлостью переходовъ“. Нисколько не смущаясь, онъ понимаетъ здѣсь $\acute{\alpha}\delta\iota\kappa\eta\varsigma$ въ смыслѣ: „негодный“: „если въ негодномъ богатствѣ вѣрны не были“ и дал. „Пришлось—заявляеть онъ безъ смущенія—для $\acute{\alpha}\delta\iota\kappa\eta\varsigma$ ниже взять другой корень „негодный“, хо-

тя все-таки родственный (радѣть—у—годить). Для самаго слова негодный ср. греч. ἄδικος οἰκέτης. Полагаю, что различіи между ἀδικίας и ἄδικος и перехода въ мысляхъ отъ 9 къ 10 ст. достаточно, чтобы такъ различно перевести эти слова. Какъ видимъ, все та же „смѣлость переходовъ“!... Пусть проф. Тарѣвъ укажетъ примѣры подобнаго употребленія ἄδικος въ Новомъ или въ Ветхомъ Заветѣ¹⁾.

На возвышенной этикѣ г. Тарѣва, составляющей противоположность нашей „теплохладности“, не имѣемъ „ни времени, ни желанія“ здѣсь останавливаться²⁾.

Лучше, заключимъ, старое хорошее, чѣмъ новое парадоксальное. Въ пользу нашего пониманія словъ: „мамона неправды“ „неправедное имѣніе“ говоритъ слѣдующее мѣсто 2 книги Эздры: „обидѣть вино (ἄδικος ὁ οἶνος), обидѣть царь (ἄδικος ὁ βασιλεύς), обидѣть жены (ἄδικοι αἱ γυναῖκες), неправедни вси сынове челоувѣчестіи и неправедна вся дѣла ихъ

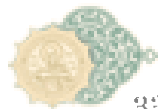
¹⁾ Въ значеніи негодный къ употребленію ἄδικος употребуется иногда у классиковъ: ἵπποι ἄδικοι; ἄδικοι οἰκέται.

²⁾ Замѣтимъ еще слѣдующее:

а) Подъ „господиномъ“, похвалившимъ несправедлаго домоправителя, разумѣется не Иисусъ Христосъ, а владыка домоправителя, что ясно видно изъ дѣльнѣйшихъ словъ: *и азъ вамъ маюлю*.

б) „Несправедлаго“ (τῆς ἀδικίας) нельзя, какъ мы раньше сказали, непосредственно связывать съ „похвали“ (ἐπῆνεσεν), ибо предметъ похвалы указывается дальше: *яко мудро сотвори*. „Неправедность“ домоправителя состояла не въ томъ только, о чемъ говорится въ 16, 4—7, а въ его управленіи имѣніемъ вообще. То, о чемъ идетъ рѣчь въ 16, 4—7, было только завершеніемъ, послѣднимъ актомъ его неправедности, и догадливость, обнаруженная въ этомъ актѣ, и похваляется господиномъ.

с) „Егда оскудѣетъ“—ὅταν ἐκλήπῃ, т. е. мамона, богатство. Но мамона, какъ земное обладаніе, оскудѣетъ со смертію челоувѣка, а потому „оскудѣете“—ἐκλήπητε („умрете“) есть вѣрная по смыслу глосса.

сицевая (καὶ ἄδικα πάντα τὰ ἔργα αὐτῶν πάντα τὰ τοιαῦτα) и иѣсть въ нихъ истины, и въ своей неправости (τῇ ἀδικίᾳ) погибають“ (4, 37). Ср. также Матѣ. 13, 22: ἡ ἀπάτη τοῦ πλοῦτου.

Отъ дальнѣйшей полемики съ проф. М. Тарѣвымъ по затронутымъ экзегетическимъ вопросамъ считаемъ за лучшее уклониться, такъ какъ ему, видно, не свойственно вести полемику спокойно, въ строго объективномъ духѣ.

Д. Богданевскій.